

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник— четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>

<http://vk.com/vounb>

e-mail: vounb@mail.ru

+7 (473) 255-05-91

ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ ВОРОНЕЖСКИМЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВЪДОМОСТЯМЪ.

№ 5.

1-го Марта

1874 года.

Содержаніе.—Оригенъ противъ Цельса.—Состояніе Галликанской церкви въ періодъ Галло—Романскій.

Оригенъ противъ Цельса.

(Продолженіе).

Такимъ образомъ, христіанскому апологету нужно было защищать вѣру въ Единого Бога, отстаивать христіанскій монотеизмъ, такую рѣзкую грань проводящій между обѣими религіями, откровенною и языческою и указать несостоятельность нападеній Цельса. Въ опроверженіи своемъ Оригенъ болѣе всего старается доказать строгій монотеизмъ. Для доказательства вѣры въ Единого Бога, неизмѣримо возвышающей христіанъ надъ язычниками, Оригенъ прежде всего ссылается на прирожденное свойство духа человѣческаго вѣрить Богу и именно вѣрить Единому Богу (I, 638). Это свойство духа выражается въ прирожденномъ его стремленіи все сводить къ единству, все понимать въ единствѣ. Отсюда выходить и здѣсь находить объясненіе себѣ то явленіе, которое повторяется въ мірѣ философскомъ, — что каждый изъ посвящающихъ себя въ таинства философовъ, проходя различныя секты и школы, непремѣ-

но старается выбрать изъ нихъ какую нибудь одну, найти изъ многихъ учителей одного, къ которому бы онъ присталъ. Порядокъ, связь и правильное отношеніе всѣхъ частей, изъ которыхъ міръ состоитъ, также указываетъ на единство ихъ виновника. Онъ личный Богъ и творецъ всѣхъ тварей. Если нѣтъ Бога выше и внѣ міра, отличнаго отъ него, какъ произведеніе отъ своего художника, то при этомъ возможны только двѣ гипотезы: или Богъ въ мірѣ, или онъ самъ есть міръ. Но Богъ не можетъ быть частью міра; ибо каждая часть несовершенна, а Богъ не можетъ быть несовершеннымъ. Еще менѣе онъ есть міръ вообще; ибо если вселенная есть только совокупность частей, изъ которыхъ она состоитъ, то разумъ не можетъ согласиться, что высочайшій Богъ есть нѣчто сложное (I, 642. V. 732). Можно такимъ образомъ обратиться къ представленію Мадіамскаго пастуха. Между тѣмъ какъ онъ насъ своистада, онъ получилъ откровеніе, которое въ истинѣ превосходитъ все, что даже въ гордыхъ школахъ греціи было выдумано. Наконецъ, Оригенъ ссылагается на самую нравственную не возможность служить многимъ богамъ, что выразилъ Спаситель: никтоже можетъ двѣма господоинама работати: либо единого возлюбить, а другаго возненавидѣть: или единого держитися, о друзѣмъ же не радити начнетъ. Не можете Богу работати и мамонѣ (Мѣ. 6, 24). Вѣрные внушенія голоса природы и держась ученія Спасителя, христіане и почитаютъ Единого Бога. И откуда Цельсь взялъ, что Іудеи и христіане почитаютъ (въ смыслѣ обоготворенія) ангеловъ? Во всемъ ихъ ученіи, во всѣхъ ихъ писаніяхъ нѣтъ нигдѣ предписанія почитать и боготворить ангеловъ (I, 643. V. 731—732). Правда, они считаютъ ихъ существами гораздо превосходнѣйшими челоѣка, существами высшаго состоянія, которое для челоѣка въ настоящей жизни поставлено еще какъ цѣль (VI. 768). Но они все же далеки, чтобы называть ихъ богами и воздавать имъ божескую почесть. Всѣ молитвы, прошенія, благодаренія должно приносить Богу чрезъ верховнаго священника—высшаго всѣхъ ангеловъ—Слово живое; должность же ангеловъ—служеніе намъ, принесеніе даровъ Божіихъ и возношеніе молитвъ нашихъ. И хотя ангелы и называются существами божественными: Богъ ста въ соимѣ боговъ (ис. 131. 1.); но это названіе относится только къ ихъ нравственному состоянію, но не къ ихъ природѣ. И они (іудеи и христіане) знаютъ, что хотя многіе зовутся богами на небѣ и на землѣ, но для нихъ долженъ быть одинъ Богъ, изъ котораго все и они которымъ (I кор. 8, 5). Для нихъ ясно и опредѣленно узаконено поклоненіе только Единому Богу—съ исключеніемъ всякаго другаго богопочитанія (исх. 20, 3—5. I, 643, V. 731, 732; VIII, 790—91). Если они такъ относятся къ своимъ ангеламъ, то тѣмъ менѣе могло быть принимаемо ими служеніе богамъ языческимъ,

которые хотя и суть дѣйствительные демоны, но не тѣ блаженные и добрые духи, которые называются у христіанъ ангелами; демоны язычества—падшіе ангелы, злые духи. И такъ несправедливо смѣшивать демоновъ съ добрыми ангелами. Какъ не всѣ люди, разсуждаетъ Оригенъ, называются людьми Божиими, но только тѣ, которые достойны Бога; такъ и не всѣ ангелы называются ангелами Божиими, но только блаженные. Тѣ, которые совратились ко злу, называются ангелами тьмы, діавола. Эти-то послѣдніе и называются демонами и всѣ они злы безъ исключенія (V. 731). Слѣдовательно несправедливо заключеніе Цельса: если есть демоны, то они и боги. Итакъ демонамъ не должно ни вѣрить, ни приносить жертвъ, ни молиться (VIII, 796). Какъ существа удалившіяся отъ пути, ведущаго къ верховному благу, отпадшіе отъ Бога, демоны дѣйствуютъ не по закону Божию, какъ думаетъ Цельсъ, но по волѣ Вельзевула, князя тьмы,—по волѣ котораго они и дѣлаютъ зло людямъ. По сему, кто такимъ образомъ служить Богу, тотъ не долженъ служить демонамъ (VII, 790—92). Напротивъ, ихъ развращающее вліяніе на жизнь людей достаточно доказываетъ, что они совершенно далеки отъ Бога, что они существа враждебныя добру. И слѣдовательно въ почитаніи ихъ человѣкъ вмѣстѣ съ ними становится врагомъ противъ Бога. По этому и выраженіе Спасителя: никтоже можетъ двѣма господинамъ работати.... вполне справедливо,—справедливо и основанное на немъ презрѣніе христіанъ къ богамъ языческимъ, какъ существамъ враждебнымъ Богу. Это не правда, когда Цельсъ въ этомъ выраженіи хочетъ видѣть приписываніе Богу недостатковъ человѣческихъ: зависти, самолюбія. Въ немъ указывается только на внутреннюю нравственную невозможность подчиненія себя многимъ божествамъ: духъ полнаго усыновленія Богу, духъ, который въ сынахъ небснаго Отца позволяетъ такое внутреннее обращеніе къ Богу: Авва Отче! (Римл. 3, 15), исключаетъ любовь къ кому либо другому, внѣ Его (VIII, 791). Эта нравственная невозможность служенія многимъ богамъ, а не предполагаемая Цельсомъ въ выраженіи Христа, недостойная Бога ревность и зависть, служатъ основаніемъ заповѣди Бога о поклоненіи и служеніи Ему Единому. Отъ христіанъ совершенно далека та мысль, что Богъ, узаконяя между людьми свой культъ, выражалъ этимъ свою нужду въ этомъ культѣ, или чтобы онъ сожалѣлъ, когда люди уклоняются отъ служенія Ему. Не Богъ въ насъ, но мы въ Богѣ нуждаемся. Такимъ образомъ служеніе христіанъ Единому и личному Богу, съ исключеніемъ всякаго другаго богопочитанія, имѣетъ за собою всѣ разумныя основанія и этими основаніями совершенно устраняется упрекъ врага христіанства въ томъ, почему христіане не почитаютъ ни солнца, ни луны, ни звѣздъ, тогда какъ почитаютъ небо и ангеловъ. Защищая такъ

сильно христіанскій монотеизмъ. Оригенъ нанесъ смертельную рану пanteизму. Онъ въ основаніи подорвалъ антихристіанство своего времени и всѣхъ временъ.

По защищеніи монотеизма Оригенъ переходитъ къ защищенію и раскрытію ученія христіанъ о перворожденномъ всея твари, о посредникѣ откровенія Божія, Божественномъ Логосѣ, какъ божественномъ лицѣ, какъ Богѣ, — ученія, которое при первомъ взглядѣ ставило христіанъ въ видимое противорѣчіе съ такъ сильно защищаемымъ единствомъ божественнымъ и съ ихъ презрѣніемъ къ языческому многобожію. Еслибы зналъ Цельсъ, говоритъ Оригенъ, какъ учатъ христіане объ этомъ Сынѣ Божіемъ, по ученію которыхъ Сынъ во Отцѣ и Отецъ въ Сынѣ (Іоан. 3, 30; 14, 11), онъ не сталъ бы упрекать въ ввденіи многобожія чрезъ приплате и почитаніе Сына Божія.

Язычнику непонятно было, какимъ образомъ могло быть допущено почитаніе Отца и Сына, какъ двухъ божественныхъ лицъ съ сохраненіемъ одного единства ихъ существа. Апологисту христіанства въ этомъ случаѣ пужно было доказывать Цельсу неприложимость къ Богу понятій и опредѣленій, взятыхъ изъ человѣческихъ отношеній, въ нарушеніи чего Цельсъ самъ въ другихъ мѣстахъ укоряетъ христіанъ. Самыя высшія духовныя отношенія, по Оригену, какія только понятны намъ, не могутъ вполне выражать этого внутренняго единенія высочайшаго Бога Отца съ сыномъ св. имъ. Однако, сколько только доступно для мысли человека, это внутреннее имманентное отношеніе Отца къ сыну, писаніе хочетъ передать чрезъ приложеніе къ сыну Божію понятій: слова Божія, (Іоан. 1, 1) Истины (14, 6), отблеска славы и образа ипостаси Отца (Евр. 1, 3). И такъ мы не двухъ Боговъ, но единаго Бога почитаемъ, когда почитаемъ Отца Истину и Сына — саму истину. Мы не смѣшиваемъ ихъ Ипостасей, но нераздѣляемъ и Ихъ существа. Богъ Отецъ и Богъ сынъ для насъ одинъ Богъ, какъ одно, по нашему представленію, свѣтъ и отблещающій его блескъ; почему и говорится: «видѣвъ Мене, видѣ Отца» (Іоан. 14, 9, УШ. 793).

Что же касается мнимаго заимствованія христіанами своего ученія о Единствѣ Бгѣ и о сынѣ Божіемъ изъ Платона, то Оригенъ относительно перваго замѣчаетъ: за чѣмъ имъ прибѣгать къ Платону за этимъ ученіемъ, когда они имѣютъ въ пророкахъ иудейскихъ гораздо древнѣйшее и чистѣйшее ученіе объ этомъ высочайшемъ премірномъ Богѣ? (ис. 48, 4-5 ис. 6, 2 ев. 1, 5 10). Если Цельсъ сколько нибудь способенъ отдавать справедливость

указаніямъ исторіи, то онъ долженъ, на примѣрѣ, Іудейскаго пророка Давида считать гораздо древнѣйшимъ Платона, и поэтому, если онъ допускаетъ заимствованіе этого ученія христіанъ отъ Платона, то съ одинаковымъ же правомъ онъ долженъ допустить подобное заимствованіе самимъ Платономъ своего ученія отъ гораздо древнѣйшей мудрости Евреевъ. И какая нужда прибѣгать христіанамъ къ этому посредству, когда они безъ него могли слышать это ученіе въ самомъ первоначальномъ чистѣйшемъ источникѣ (VI, 753)? Но какъ видно изъ его нападеній на ученіе христіанъ о высочайшемъ Богѣ, которое онъ обличаетъ, какъ заимствованное и искаженное христіанами, ему въ этомъ ученіи христіанъ не пришлось самое естество, которое исключало всякое примиреніе съ собою политеистическихъ вѣрованій язычества. Относительно ученія сына Божія Оригенъ сознаетъ, что и философія учила о сынѣ Божіемъ и учила гораздо возвышеннѣе, чѣмъ понимаетъ это его противникъ; но все же отсюда не можетъ быть вывода, что христіане взяли это ученіе изъ философіи. Священныя писанія Евреевъ упоминаютъ о Сынѣ Божіемъ гораздо ранѣе, чѣмъ явились на свѣтъ тѣ греческіе писатели, которыхъ Цельсъ называетъ древними и отъ которыхъ заставлятъ христіанъ заимствовать свое ученіе о Сынѣ Божіемъ (VI, 761). Несправедливое обвиненіе Цельса, что христіане въ ученіи своемъ поставили сына Божія выше Отца, по Оригену, взято имъ изъ какого то земнаго, принадлежащаго еретикамъ символа, и по этому не можетъ падать на послѣдователей истиннаго ученія Христова, которые исповѣдуютъ Сына не высшимъ Отца, но низшимъ, *) какъ Онъ и самъ говоритъ о себѣ: яко Отецъ Мой (пославый мя), болий Мене есть (Іоан. 14, 28). Въ истинной церкви Христа не встрѣтишь никого, кто бы училъ, что Сынъ имѣетъ власть надъ Отцемъ, какой упрекъ хотѣтъ дать намъ противники. Когда мы называемъ Спасителя Богомъ, Словомъ, Мудростію, Правдою, Истиною, то говоримъ, что онъ имѣетъ власть надъ всѣмъ что покорено этому имени, но не переносимъ этой его власти на Бога Отца (VII, 794).

Христіанскій монотеизмъ такимъ образомъ защищенъ противъ нападеній языческаго пантеизма. Дорогая для древней греціи и такъ сильно отстаиваемая Цельсовъ гипотеза о длинной цѣпи подчиненныхъ боговъ, названныхъ демонами, которые какъ думали, позволяли сходить божественной жизни постепенною эманациею отъ Бога духа до незначительнѣйшихъ тварей и такимъ образомъ исполняли прощель между міромъ духа и міромъ матеріею—обыкновенно опровергнута.

Но если христіанскій монотеизмъ, такъ рѣзко противоречаго міру политеистическому язычеству, нашелъ въ еkkлектикѣ тред.

*) Въ какомъ смыслѣ? Надобы прояснить это г. автору.

сильного противника и критика, который на всѣхъ пунктахъ нападалъ на него, то можно представить, съ какою силою должны были посыпаться возраженія и нападенія на христіанство за его равнодушіе къ философіи и въ частности къ лучшему ея проявленію-ученой діалектикѣ. Язычеству, кажется, самую смертельную обиду наносило христіанство, когда оно обходило вниманіемъ то, что составляло гордость и красу языческаго міра и безъ чего ни одинъ образованный язычникъ, если только онъ небылъ окончательный скептикъ и шагу ступить не могъ. Какъ христіанство должно было показаться Цельсу-этому универсальному представителю язычества и низко, и грубо, когда оно пренебрегало тѣмъ, что досталось путемъ самыхъ долговременныхъ трудовъ и усилій и что составляло самый зрѣлый плодъ древней человѣческой мысли и цивилизаціи? Философъ съ горечью упрекаетъ за это христіанство, которое, вышедши изъ суевѣрія и невѣжества, остается вѣрнымъ своему происхожденію, вращается въ своей низкой сферѣ и отвлекаетъ людей отъ философіи. У него нѣтъ ученой діалектики, того, что связываетъ одно положеніе съ другимъ, подтверждаетъ ихъ лучшими доказательствами и мало по малу возводитъ умъ къ основательному убѣжденію. Христіане презираютъ разумъ который одинъ только и предохраняетъ отъ заблужденій и грубѣйшаго суевѣрія. Много между ними такихъ, которые ни сами не хотятъ давать отчета въ своей вѣрѣ, ни отъ другихъ слушать разсужденія о ней. У нихъ одинъ отвѣтъ на всѣ возраженія и трудные вопросы: «не изслѣдуй, но вѣрь; вѣра твоя спасетъ тебя. 27) Мудрость міра сего нѣчто злое, а глупость нѣчто доброе; вѣруй, что Тотъ, о комъ говорю тебѣ, есть сынъ Божій, хотя онъ безславна претерпѣлъ узы и крестную смерть; вѣруй, если хочешь быть здоровъ, или поди прочь!» (VI, 751) Цельсъ утверждалъ, что вѣра въ божество Христа не опирается на солидномъ основаніи, но только на слѣпомъ довѣріи, на шаткомъ предразсудкѣ (Ш, 690). Отсюда, по Цельсу, выходитъ и то, что христіане вѣруютъ въ пустыя таинства и миѳы. Онъ сравниваетъ въ этотъ разъ христіанъ съ Египтянами и находитъ послѣднихъ даже выше первыхъ. «При виліколѣіи внѣшности, говоритъ онъ, у тѣхъ и другихъ пустота содержанія. Но у Египтянъ все же есть высшее пониманіе и есть мудрецы, а христіане вовсе отталкиваютъ мудрыхъ и привлекаютъ толпы глупыхъ. По этому христіане хотя и презираютъ Египтянъ, но сами не имѣютъ ничего выше козловъ и собакъ Египетскихъ, тогда какъ въ Египтѣ собственно почитаютъ не козловъ и собакъ, а вѣчныя идеи.» (Ш, 684-85). Дикими и

странными кажутся Цельсу глашатаи христіанскихъ таинствъ: вмѣсто того, чтобы призывать, подобно тайновводителямъ въ мистеріи языческія, тѣхъ, «кто чистъ отъ всякой скверны, кто невиненъ душою, кто не вѣдая зла, живетъ праведно и благо, кто не повиненъ руками и не безуменъ языкомъ, они обращаются къ народу съ такимъ воззваніемъ: кто грѣшникъ? кто безуменъ, кто дѣтя, словомъ сказать, кто жалкій человѣкъ да приметъ царствіе Божіе. (Ш, 695). И кого называете грѣшниками? развѣ не несправедливаго, не вора, не святотатца? Да и кого иного будетъ призывать тотъ, кто вступаетъ въ общеніе съ разбойниками? (Ш, 693.) Оракулы языческіе-необходимый атрибутъ языческихъ мистерій Цельсъ ставитъ выше пророчествъ Іудейскихъ пророковъ. Онъ находитъ великую заслугу ихъ въ томъ, что по ихъ указанію, почти чрезъ всѣ земли проведены были колоніи (VII, 771). Въ концѣ концовъ Цельсъ совѣтуетъ оставить Іудейство и христіанство и слѣдовать ученію поэтовъ и философовъ—этихъ чрезвычайныхъ избранниковъ и боговдохновенныхъ мужей, которые возвѣщаютъ людямъ истины вѣдѣнія и добродѣтели и производятъ необычайныя дѣйствія въ магіи. (VII 782). Таковы въ сжатомъ видѣ возраженія и обвиненія дѣлались христіанству отъ языческой философіи, считавшей мудрость единственно себѣ принадлежавшею и изъ за нея не видѣвшей ни какой другой. Если гдѣ, то въ защищеніи съ этой стороны и въ этомъ пунктѣ Оригенъ является въ высшей степени неподражаемымъ. Онъ блистательно опровергъ то, что по видимому, много имѣло за себя данныхъ для подтвержденія языческой точки зрѣнія. Онъ показалъ, что христіане не убѣгаютъ свѣта науки, не отвергаютъ мудрости, но только понимаютъ ее своеобразно,—что вѣра—исходный пунктъ всякой религіи и философіи и что наконецъ, язычество ни въ мистеріяхъ, ни въ ученіи своемъ не можетъ соперничать и конкурировать съ христіанствомъ. Мы не отвергаемъ, говоритъ Оригенъ, философіи. «Если хотятъ говорить о истинно-философскомъ обученіи, то христіане опираются на немъ и весьма далеки отъ того чтобы отвергать его.» Мы не отвергаемъ юношей отъ философіи; а напротивъ, если находимъ, что они упражнялись въ изученіи предуготовительныхъ наукъ, мы стараемся поднять ихъ до той высоты Евангелія, которая для большинства недоступна; мы призываемъ ихъ получить отъ христіанъ преподаванію имъ Христомъ, Апостолами и пророками философію. «Но если посмотрѣть на языческую философію, какъ на науку, которая сообщаетъ положительныя свѣденія и изощряетъ умъ въ мысленіи, если разсмотрѣть ее въ ея главныхъ системахъ, тогда не вольно прайдешъ къ убѣжденію, что она жалкая медицина для душъ и жалкихъ врачей доставила человѣчеству. Поэтому настоятельная нужда предстоить-отнять у этихъ врачей больныхъ, которыхъ она ни-

когда не может исцѣлить. Не оказываютъ ли христіане услуги человѣку, когда его освобождаютъ отъ философіи Епикура, которая отрицаетъ боговъ,—отъ перинатетической, которая разрываетъ всякій союзъ между тварію и Божествомъ и вѣру въ провидѣніе обращаетъ въ суетвѣріе? Не помогутъ ли ему, когда вырвутъ его и отъ гордаго стоицизма, который, кромѣ матеріальнаго бога, ни чего лучшаго не могъ выдумать и отъ бредней переселенія душъ ученика Пифагора? Поступаютъ ли христіане несправедливо, прилагая свои средства исцѣленія послѣ того, какъ въ частности всѣ системы оказались неспособными произвести доброе вліяніе на исправленіе человѣческой природы, когда онѣ способны были только вредно дѣйствовать на нее? Какъ несправедливо по этому Цельсъ, который смѣется надъ христіанствомъ и учителями его, которые будтобы отталкиваютъ людей отъ философіи и, подобно знахарямъ и уличнымъ шарлатанамъ, посредствомъ различныхъ обѣщаній привлекаютъ ихъ къ себѣ? (Ш, 692-699).

Вѣра—этотъ исходный пунктъ, изъ которой христіанство выходитъ и которая послужила для Цельса предметомъ такого колкаго осмѣянія, нашла въ Оригенѣ лучшаго и блистательнаго своего защитника. Онъ доказываетъ что та вѣра, которую христіанство требуетъ отъ всякаго послѣдователя своего образованнаго и необразованнаго, не нарушаетъ логическихъ законовъ разума и что по этому минимая глупость христіанства съ точки зрѣнія истиннаго разума далеко разумнѣе, чѣмъ мудрость эаго міра. Оригенъ прежде всего указываетъ на то, что актъ вѣры и довѣренности предшествуетъ всякому замѣчательному событію или предпріятію человѣческому, какого бы рода оно ни было.

Безъ вѣры не рѣшились бы ни на плаванію, ни на бракосочетаніе, ни на рожденіе дѣтей, ни на посѣвъ; ибо не извѣстенъ результатъ того, что предпринимаютъ. Если вѣра въ будущее составляетъ необходимое условіе сохраненія человѣческой жизни, то не всегда ли должно обращаться къ ней тамъ, гдѣ относительно результатовъ нашей дѣятельности остается неизвѣстность и въ особенн сти, гдѣ дѣло идетъ о предпріятіи, которое несравненно важнѣе чѣмъ плаваніе, бракосочетаніе или посѣвъ? Тотъ, въ Кого требуется вѣровать, есть Богъ. Который все сотворилъ и Который посвоимъ великимъ совѣтамъ предалъ Себя лишеніямъ и смерти, чтобы распространить истину между всеми людьми. Еще болѣе: ни одинъ не принимается въ философскую школу и не посвящается въ это высокое ученіе, если онъ не начнетъ дѣла съ акта довѣрія къ учителю, котораго онъ избралъ. Такимъ образомъ вѣра, которую осмѣиваютъ, есть дверь философіи, которая противопоставляется намъ. Развѣ было бы разумно

полагать свое довѣріе на одного изъ представителей безчисленныхъ школъ въ Греціи и варварскомъ мірѣ и не вѣрить въ высочайшаго Бога, Который насъ научилъ, что Онъ только достоинъ нашего почитанія? (1,638). Отсюда ясно, что христіанство, когда оно требуетъ вѣры отъ своихъ послѣдователей, не занимаетъ какого-либо исключительнаго положенія. Оно слѣдуетъ общему, самымъ разумомъ указанному, правилу. Эта вѣра впрочемъ, какъ мы уже и сказали, не безъ основательна. Христіанинъ вѣруетъ въ Того, Кто безусловно достоинъ этой вѣры. Весьма далекая отъ того, что запретить изслѣдованіе—вѣра даже требуетъ его. Все въ христіанствѣ возбуждаетъ и изощряетъ мысль. Ученѣйшая философія не возбуждаетъ такого сильнаго духа изслѣдованія, какой возбуждаетъ предметъ нашей вѣры—откровеніе Божіе предсказаніями своихъ пророковъ, своими символами и прообразами (1,638; III, 690—699). Христіанство признаетъ превосходство твердо основаннаго на доказательствахъ убѣжденія предъ всякимъ другимъ. Въ то время какъ простой христіанинъ, который не призванъ къ великимъ изслѣдованіямъ, довольствуется вмѣсто всякаго доказательства однимъ словомъ Господа,—тотъ кто имѣетъ особенное призваніе, долженъ искать основаній своей вѣры въ изъясненіи Св. Писанія и въ философскомъ обоснованіи. Само Св. Писаніе содѣлываетъ употребленіе діалектики (VI, 748—52). Если св. Апостолъ Павелъ называетъ мудрость глупостью, то онъ имѣетъ въ виду мудрость міра сего. Она—глупость, потому что она относится только къ чувственному, она вѣруетъ только въ матерію и не восходитъ вышечувственнаго. Мы имѣемъ право не смотря на ея коварныя доказательства, считать ее глупою. Напротивъ, мы отличаемъ и принимаемъ премудрость Божію, которая научаетъ насъ презирать все, что временно и пространственно, чтобы перенестись въ невидимое и созерцать то, что никакой глазъ не видѣлъ (III, 684, 685; 1,638 и др.). Христіанство является для насъ какъ высшая философія. Если же нѣкоторые изъ послѣдователей христіанства иначе говорятъ и хвалятся невѣжествомъ и незнаніемъ философіи, то было бы несправедливо приписывать всему христіанству то, что только къ этимъ невѣждамъ и должно быть отнесено. Христіанскія истины вѣры въ самомъ дѣлѣ основаны на разумѣ (III, 690—93). Вѣра стоитъ въ согласіи съ прирожденными человеку общими понятіями (идеями) (III, 690). Стоитъ только одаренной разумомъ душѣ спросить свою натуру, чтобы ниспровергнуть ложно почитаемыхъ боговъ и отыскать свое прирожденное стремленіе къ своему Творцу. (III, 690). Такимъ образомъ даже въ будствѣ креста открывается великій законъ разумности; онъ выходитъ изъ существующей и открывающейся связи души съ истинною. Оригенъ не упускаетъ изъ виду, что религіозная истина при-

надлежитъ къ нравственному порядку. Онъ спрашиваетъ, какъ эта истина можетъ стоять въ противорѣчїи съ человѣческимъ существомъ, въ которомъ самъ Богъ первоначально напечатлѣлъ законъ, тотъ святой законъ, который остается главнымъ закономъ царства вселенной и области духа, который лучше, чѣмъ написанное законодательство? (V. 741-42) Богъ напередъ напечатлѣлъ въ человѣческой душѣ то, чему Онъ послѣ училъ чрезъ пророковъ и Спасителя (I, 637; VIII, 909). Оригенъ въ этомъ отношеніи отрицаетъ столь же опредѣленно, какъ и Климентъ, всякое противорѣчіе между вѣрою и наукою. Вѣра ведетъ къ наукѣ или философїи и обратно. Ибо наука въ высшей области знанія необходимо должна основаться на вѣрѣ. Философія такимъ образомъ не должна презирать христіанскую вѣру, которая будучи далека отъ того, чтобы стѣснять и ограничивать мысль (конечно въ возможной области), даетъ ей крылья, чтобы возвышаться въ область Божественную. Вотъ-урокъ, какимъ бы должна воспользоваться современная реалистическая философїя, жалующаяся на то, что христіанство мѣшаетъ свободному полету мысли. Матеріализмъ, въ какой бы формѣ онъ ни явился, долженъ умолкнуть предъ христіанскою вѣрою и не считать безумнымъ то, что согласно съ законами разума, что крѣпко вкоренено въ нравственную натуру, такъ что становится необходимымъ ея требованіемъ.

Показавъ, что христіане не такъ легковѣрны, какъ Цельсусъ думаетъ, Оригенъ отклоняетъ обидную для христіанства аналогію христіанскихъ таинствъ съ Египетскими и вообще съ языческими мистерїями. Между переизмомъ и Евангелїемъ нѣтъ положительно никакой аналогіи. Тѣ, которые позволяютъ выводить ее, впадаютъ въ грубое заблужденіе. Они не умѣютъ найти различія между христіанскою религіею и тѣми ересями, какъ ересь овитовъ, которая совершенно обезображиваетъ эту христіанскую религію. (V, 754, 755; III, 684-685). Нужно окончательно потерять смыслъ для пониманія божественныхъ вещей, чтобы сравнивать святыя таинства Христа съ нелѣпыми баснями Египта. Осылаются на символическій характеръ послѣднихъ, какъ на преимущество; но развѣ Евангелїе не имѣетъ символовъ?

Конечно они высоки, чтобы служить предметомъ для смѣха. Противникъ, говоря о глашатаяхъ христіанства, такъ же не понимаетъ различія: призывать больныхъ къ выздоровленію и призывать здоровыхъ къ познанію вещей тайныхъ и божественныхъ. И христіане призываютъ чистыхъ руками и душею, потому что знаютъ, что въ злохудожную душу не ввидеть премудрость, — призываютъ мудрыхъ въ словѣ къ познанію высшихъ таинъ ученія. Но въ томъ-то и состоитъ превосходство христіанскихъ таинствъ предъ языческими, что онѣ призываютъ къ себѣ и грѣшныхъ, чтобы волнуе-

мой страстями душъ дать лекарство и обязать раны ея. Уже послѣ, какъ они сдѣлають успѣхи въ добродѣтели, такъ что очевиднымъ покажется, что они исправлены ученіемъ, они также посвящаются въ высшія тайнства-премудрость, которую разумѣемъ въ совершенныхъ (Ш, 695). Цельсусъ говоритъ, что мы потому и призываемъ грѣшниковъ, что ни одного чистаго и праведнаго не можемъ на самомъ дѣлѣ присоединить къ себѣ; отсюда происходитъ то, что у насъ набираются нечестивѣйшіе и развратнѣйшіе (Ш, 697). Но если бы кто потруился разобрать наше общество, нашелъ бы въ немъ болѣе обращенныхъ изъ жизни порядочной, чѣмъ изъ жизни порочной. И какая видна кичливость ума, надутаго своею мудростію, когда Цельсусъ говоритъ что ни одинъ благоразумный не согласится принять ученіе христіанъ потому уже одному, что его оттолкнетъ и устраситъ толпа людей принявшихъ его? А что онъ сказалъ бы о тѣхъ, которые не захотѣли бы принять законовъ Ликурга, Солона и Селевка только изъ-за того, что множество согласилось принять ихъ? (Ш. 698). Что касается мнимаго превосходства оракуловъ языческихъ предъ пророчествами истиннаго Бога, Оригенъ отвѣчаетъ, что нетрудно показать Цельсу многими изреченіями Аристотеля и его школы Епикурейской, что много восхваляемые имъ языческіе оракулы были только обманъ и обольщеніе. Но мы христіане, присовокупляетъ онъ, считаемъ ихъ не просто за обманъ и человѣческое изобрѣтеніе, но остается еще нѣчто болѣе худшее въ основаніи происхожденія оракуловъ—это именно демонское вдохновеніе. Въ одной очень краснорѣчивой параллели онъ показываетъ съ одной стороны чистоту и святость пророка Іеговы, и съ другой грѣховныя пятна пивіи Аполлона и заключаетъ вопросомъ: лучше ли распутная женщина, чѣмъ строгая добродѣтель мужа пустыни могла быть обозначена чрезъ Божественное откровеніе? Голосъ ли святѣйшаго слышится отъ треножника, который потрясается силою насильственно произведеннаго воодушевленія самой отъ себя души и въ дымъ жертвеннаго мяса исчезаетъ, — треножника, на которомъ не нечистая дѣва, но развратная женщина качается туда и сюда? Не лучше ли голосъ мужа уединенія, который посредствомъ спокойнаго воодушевленія возносится къ міру духовному? Какое прекрасное зрѣлище представляетъ намъ жрецъ Аполлона, который у своего бога, или вѣрнѣе у своего демона, молитвою о мести выпрашиваетъ, чтобы страшная чума поразила войско грековъ! Можно ли сравнивать съ нимъ пророковъ нашей религіи? Тѣ которыхъ Промыслъ избралъ органами духа Божія, избирали жизнь самую строгую, самую дѣятельную и свободную и были не доступны страху предъ опасностями и смертію. Это очень раціональный взглядъ, что суровость Антисѣена и Діогена были только игрою въ отношеніи

къ строгости жизни великаго пророка Божія. Неустрашимые и безтрепетные въ возвышеніи истины и въ борьбѣ противъ всѣхъ людей, пророки были побиваемы камнями или убѣаемы мечемъ. Они блуждали въ пустынь, покрытые рубищемъ. Они, которыхъ міръ небылъ достоинъ, скрывались въ пропасть земныхъ и ничего другаго не имѣли въ виду, кромѣ Бога и вѣчныхъ невидимыхъ вещей, которыя скрываются отъ нашихъ грубыхъ чувствъ. Таковы были пророки, которые предсказывали будущее и которые предвозвѣстили Христа. Мы питаемъ презрѣніе къ оракуламъ птоліеи Додонской и къ птоліеи Аммона, которыя походятъ на Птолію Аполлона. Напротивъ, мы вѣруемъ въ пророчества Іудейскія, ибо жизнь тѣхъ людей, которые были ихъ сосудами, посвоей святой дѣятельности и чистотѣ, была достойна воспріятія Духа Божія (УП, 771-773). На совѣтъ оставить Іудейство и христіанство и слѣдовать ученію поэтовъ и философовъ, какъ высшему и лучшему, Оригенъ отвѣчаетъ вопросомъ: кто эти вдохновенные поэты и мудрецы? Если Орфей, Пармидъ, Эмпедоклъ, или самый Гомеръ и Гезіодъ то пусть докажутъ намъ, что люди, руководимые этими учителями, вступаютъ на лучший и болѣе полезный путь, чѣмъ христіане, которые ради ученія Іисуса оставили идоловъ и суевѣріе Іудеевъ, обратившись къ почитанію одного Отца Слова. Какъ можно сравнивать мудрецовъ и философовъ, къ ученію которыхъ отсылаетъ насъ Цельсъ, съ Моисеемъ и другими пророками Бога, Творца всяческихъ, которые возвѣстили такъ много божественнаго и яснѣйшимъ образомъ предрекли пришествіе Того, Кто сдѣлался для людей путемъ благочестивой жизни и который, по безконечному милосердію, каждого пріобщаетъ своимъ таинъ? Въ Немъ мы имѣемъ великаго Первосвященника, который чрезъ величіе своихъ добродѣтелей и своей мудрости взшелъ на небо. Онъ обѣщалъ ввести въ небесную землю и тѣхъ, которые достойнымъ образомъ постигаютъ святыя таинства, живутъ достойно божественнаго учрежденія. «Идѣже есмь Азъ, сказалъ Онъ, и вы будете». (Іоан. 14, 3) По этому мы надѣемся послѣ предпріятыхъ нами трудовъ и подвиговъ достигнуть высочайшаго неба. Тамъ мы успокоимся на бьющихъ ключемъ источникахъ; тамъ погрузимся въ рѣку знанія и взойдемъ на высоты, гдѣ текутъ священныя воды, шумъ которыхъ есть хвала Богу. Мы сами также будемъ хвалить Его вмѣсто того чтобы вращаться съ круговращеніемъ неба и будемъ пребывать въ созерцаніи невидимаго и божественнаго. Возвысившись надъ тварнымъ, мы будемъ, какъ говорятъ апостолъ, созерцать Его лицемъ къ лицу (1 кор. 13, 12.) Тогда все несовершенное поглотится совершенствомъ (VI, 754).

(Продолженіе будетъ).

СОСТОЯНІЕ ГАЛЛИКАНСКОЙ ЦЕРКВИ ВЪ ПЕРІОДЪ ГАЛЛО—РОМАНСКІЙ

(со второй половины перваго вѣка до конца пятого) по сочиненію Авбата Гёте (*Histoire de l'église de France. Tome 1*).

Первыми просвѣтителеми Галліи были непосредственные ученики Апостоловъ и именно три спутника Апостола Павла, о которыхъ онъ упоминаетъ во второмъ своемъ посланіи къ Тимофею въ 4 главѣ—Крескентъ, Трофимъ и Лука. Крескентъ основалъ Церковь въ Віеннѣ и дошелъ до Майнца. Лука, по свидѣтельству Епифанія, преимущественно проповѣдывалъ въ сѣверныхъ провинціяхъ Галліи, а святой Трофимъ избралъ мѣстомъ своей проповѣди южный городъ Галліи Арль, гдѣ былъ поставленъ и епископомъ самимъ Апостоломъ Петромъ. (стр. 2—3). Въ это же время въ Марсель насадилъ христіанство иѣкто Лазарь. Это происходило во второй половинѣ и въ концѣ перваго вѣка. Разумѣется плоды проповѣди учениковъ Апостольскихъ не могли быть богаты, потому что мало же и проповѣдниковъ было, а еще болѣе потому, что Римскій политеизмъ имѣлъ еще большую власть надъ сердцами народовъ Галліи. Тѣмъ не менѣе проповѣдь не безуспѣшна была и Тертуліанъ во 2 вѣкѣ говоритъ, что Іисусъ Христосъ имѣлъ многочисленныхъ поклонниковъ у различныхъ племенъ Галліи.

Истинными насадителями христіанства въ Галліи были греческіе проповѣдники, посланные Поликарпомъ епископомъ Смирнскимъ въ Ліонъ—городъ, бывший въ торговыхъ сношеніяхъ съ такими же городами Европы, Азіи и Африки. Эту миссію составляли нѣсколько человекъ—Поеннъ епископъ, Ириней, Бенигиъ и Андохій—священники, діаконъ Тирсъ и иподіаконъ Андеоль. Въ Ліонѣ до этого времени было уже нѣсколько христіанскихъ семействъ—или явившихся съ христіанскаго востока по торговымъ дѣламъ, или просвѣтившихся проповѣдію учениковъ Апостольскихъ. И нѣтъ ничего удивительнаго, если Ліонскіе христіане просили даже для себя проповѣдниковъ у Поликарпа Смирнскаго, весьма заботившагося о распространеніи христіанства. Вообще самъ ли Поликарпъ вздумалъ послать въ Ліонъ проповѣдниковъ, или сами христіане просили ихъ у него—фактъ въ томъ и другомъ случаѣ похваленъ и принесъ большую пользу.

Поеннъ и Ириней утвердили свое пребываніе въ Ліонѣ и образовали тамъ цвѣтущую Церковь. Вскорѣ явились имъ помощники изъ природныхъ жителей города, обращенныхъ ими въ христіанство и посвященныхъ въ священники и діаконы. Между тѣмъ Бенигиъ, оставивъ своихъ товарищей въ Ліонѣ, отправился съ Андохіемъ и Тирсомъ на правый берегъ рѣки Арары или Соны и тамъ осно-

валъ церкви Евдеюскую (стр. 6—7). Кромѣ того онъ прошесть съ проповѣдію провинцій: Отунскую, Алезіанскую, Лангскую и дошелъ до Дижона.

Но юной Церкви суждено было испытать тяжкое бѣдствіе. Во второй половинѣ второго вѣка воздвигъ гоненіе на Церковь Маркъ Аврелій. Галльская Церковь не избѣжала его. О несчастіяхъ, постигшихъ ее, она писала своимъ Азійскимъ братьямъ. Въ этомъ посланіи, сохраннымъ Евсевіемъ, описываются всѣ оскорбленія и всѣ роды мученій, которымъ подвергались христіане и перечислены имена пострадавшихъ христіанъ. Изъ числа пострадавшихъ въ Лионѣ главнѣйшіе были: Поинъ епископъ, который по старости не могъ явиться къ суду и былъ принесенъ къ нему. Послѣ напрасныхъ увѣщаній судьи, онъ былъ приговоренъ къ смерти и обѣзумѣвшая отъ ярости чернь безжалостно издѣвалась надъ старцемъ. Потомъ Санктъ—діаконъ, Матурій, Атталъ, родомъ изъ Пергама, названный столпомъ и опорой Церквей, Фригійскій врачъ Александръ, братья Александръ и Еиподій, рабыня Бладина и отрокъ Понтикъ—всѣхъ 50 мучениковъ. Таже участь ждала и другихъ проповѣдниковъ греческой миссіи. Бенигъ въ Дижонѣ былъ схваченъ и замученъ префектомъ Терентіемъ. Андохій и Тирсъ хотѣли было скрыться у одного знакомаго купца родомъ грека—Феликса—въ Сольѣ, но были замучены вмѣстѣ съ нимъ.

Въ это гоненіе Приней не было въ Лионѣ. Онъ отправлялся съ порученіями на востокъ. Возвратившись, онъ съ горестію видѣлъ паденіе цвѣтущей Церкви и со всѣмъ усердіемъ началъ трудиться для образованія новой Церкви. Но его успѣхи остановлены были новымъ гоненіемъ—Септимія Севера, въ самомъ началѣ третьяго вѣка. Бывши еще правителемъ Галліи въ Лионѣ, онъ съ негодованіемъ смотрѣлъ на распространеніе новой секты; впрочемъ сдѣлавшись императоромъ, онъ не гналъ христіанъ, получивъ во время болѣзни чудесную помощь отъ одного христіанина. Но въ 10-й годъ царствованія, во время императорскихъ игръ, онъ издалъ эдиктъ, повелѣвавшій гнать христіанъ. Въ 202 году Приней былъ одинъ изъ первыхъ мучениковъ въ Галліи въ это гоненіе. Въ это же время пострадали—Феликсъ, Фортунатъ и Ахиллей проповѣдники Валенса; Ферреоль и Феррутианъ—проповѣдники Секваніи, Никазіи—второй Лионези и ипподіаконъ Андеоль.

Но какъ вездѣ, такъ и въ Галліи кровь христіанъ была сѣменемъ новыхъ христіанъ. Особенно это сѣмя принесло богатый плодъ отъ трудовъ новыхъ проповѣдниковъ, явившихся въ Галлію. Это была уже миссія Римская снаряженная напою Фабіаномъ во второй половинѣ третьяго вѣка. Ее составляли 7 епископовъ и значительное число низшихъ служителей церкви. Имена и мѣста

проповѣди ихъ слѣдующіи: Паціанъ Турскій, Трофимъ Арльскій, Павелъ Нарбонскій, Сатурнинъ Тулузскій, Діонисій Парижскій, Стрёмоній Клермонтскій и Марціалъ Лиморскій. Каждый изъ этихъ Епископовъ образовалъ при себѣ школу учениковъ, нѣкоторымъ онъ сообщалъ свою ревность къ Евангельской проповѣди. И скоро христіанство проникло въ города и селенія, лежащія около этихъ главныхъ городовъ. Но особенно замѣчательнъ былъ въ этомъ отношеніи Діонисій Парижскій. Онъ избралъ себѣ двѣнадцать учениковъ, которые прошли по нѣсколько разъ въ различныхъ направленіяхъ все сѣверныя провинціи. Вообще въ это время Римскіе проповѣдники отличались необыкновенною ревностію, мужествомъ и терпѣніемъ. И благодаря усиліямъ ихъ и ихъ учениковъ, христіанство вскорѣ приобрѣло себѣ почитателей въ каждомъ почти болѣе или менѣе замѣчательномъ городѣ Галліи и язычество принуждено было удалиться въ селенія.

Но и легко доставалось проповѣдникамъ распространеніе Царства Христова. Паціанъ 37 лѣтъ былъ Епископомъ въ Турѣ и успѣлъ собрать только очень малое стадо вѣрныхъ. Но наиболѣе потерпѣли за свою проповѣдь Сатурнинъ и Діонисій. Сатурнинъ построилъ въ Тулузѣ храмъ; здѣсь же былъ и языческій храмъ. Сатурнину нужно было ходить въ свой храмъ мимо храма языческаго. И когда онъ проходилъ, идолы, стоявшіе въ храмѣ, приходили въ движеніе. Жрецы указали на Сатурнина, какъ на виновника такого оскорбленія ихъ боговъ. Разъяренная чернь схватила однажды Сатурнина и поставила его на ступеняхъ храма предъ жертвенникомъ, предлагая ему принести жертву. Сатурнинъ отказался. Тогда привязали его къ заднимъ ногамъ сытаго жертвеннаго быка, кокнули послѣдняго иглой и онъ опрометью бросился съ ступеней храма, увлекая за собой святаго. Голова Сатурнина отскочила, ударившись нѣсколько разъ о ступени, и тѣло было влачимо, пока не перервалась веревка. Остатки тѣла святаго благоговѣнно были подняты вѣрными. — Неизвѣстны подробности смерти Діонисія. Извѣстно только, что ему съ нѣсколькими учениками его, по приказанію Парижскаго правителя Сизинтія, отсѣкли голову на холмѣ близъ Парижа, называвшемся у язычниковъ Меркуріевымъ, а впоследствии названномъ горою мучениковъ или Монъ-Мартромъ. Евтропій, одинъ изъ Римскихъ же проповѣдниковъ, долгое время безуспѣшно трудился близъ города Сентъ у племени Сантоновъ; наконецъ ему удалось обратить ко Христу нѣсколько человѣкъ въ городѣ и въ томъ числѣ Евстоцію, дочь знаменитѣйшаго гражданина города. Отецъ дочери убилъ Евтропія въ его хижинѣ за верою. И многіе другіе за Евангельскую проповѣдь стяжали себѣ вѣнецъ мученичества. Но все таки язычество уступало и, какъ сказали, принуждено было удалиться въ селенія.

Надъ уничтоженіемъ язычества въ селеніяхъ съ особеннымъ усердіемъ трудились Епископы 4 и 5 вв. Но болѣе всѣхъ ихъ потрудился въ этомъ отношеніи Мартинъ Епископъ Турскій, о которомъ подробнѣе будетъ сказано ниже. Онъ не ограничился своей епархіей; онъ ходилъ по многимъ другимъ провинціямъ, самъ трудился надъ разрушеніемъ идоловъ и капищъ и удивительной ревностію и чудесами успѣлъ многое сдѣлать. Обстоятельства часто ставили въ испытаніе его вѣру во всемогущество Божіе. Язычники можно заставить вѣрить или угрозою, или сверхъестественностію. Мартинъ могъ располагать только послѣдней силой. Въ одномъ селеніи у племени Эдуевъ одинъ изъ слушавшихъ его проповѣдь съ яростію бросился съ топоромъ на святаго и уже готовъ былъ нанести смертельный ударъ, какъ вдругъ палъ наземь и трепеща отъ страха, сталъ просить прощенія, которое немедленно получилъ. Въ другомъ мѣстѣ Мартинъ, разрушивъ ветхій храмъ языческій, хотѣлъ срубить и многолѣтнюю сосну, которую язычники суевѣрно почитали. Язычники согласились на это съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ легъ въ ту сторону, въ которую должно свалиться дерево и принять его въ свои руки. «Если ты вѣришь твоему Богу и Онъ съ тобой», какъ ты говоришь, «то дерево это своимъ паденіемъ не сдѣлаетъ тебѣ ни какого вреда». Мартинъ, не колеблясь, повиновался требованію язычниковъ, вполнѣ надѣясь на Промыслъ Божій. Минута была важная; ученики Мартина рыдали, язычники были въ нетерпѣливомъ ожиданіи. Вдругъ шумъ и трескъ — дерево сдѣлало полъоборота по направленію къ лежавшему Мартину, но быстро вдругъ обратилось въ противоположную сторону и едва не пришибло нѣкоторыхъ, не ждавшихъ съ той стороны паденія. Мартинъ остался невредимъ. Ученики плакали уже отъ радости, язычники были въ изумленіи, а самъ Мартинъ радовался, что испытаніе его вѣры обратило весьма многихъ ко Христу (стр. 101).

Но христіанство, побѣждая проповѣдію и чудесами языческія суевѣрія и быстро распространяясь между различными племенами Галліи, въ то же время само должно было вести борьбу съ деспотизмомъ и слѣпой политикой Римскаго правительства и побѣждать его страданіемъ и терпѣніемъ. Въ это время, т. е. въ теченіе 3 вѣка были жестокими гонителями христіанъ Декій, Авреліанъ и Максиминъ Геркулій. Гоненіе Декія не было впрочемъ повсемѣстно въ Галліи. Но правители провинцій, зная расположеніе императора, другъ передъ другомъ старались угодить ему, съ злымъ ожесточеніемъ преслѣдуя христіанъ. За то Авреліанъ самъ рѣшился посѣтить Галлію. До воцаренія своего онъ былъ префектомъ Галліи; самъ видѣлъ быстрое распространеніе христіанства и паденіе язычества и закалился въ ненависти и фанатическомъ пре-

слѣдованіи христіанъ. И потому едва только онъ прибылъ въ Галлію, жители ея—христіане толпами стали убѣгать въ глубину лѣсовъ. И Авреліанъ не красѣлъ употреблять свою армію, какъ гончихъ собакъ, заставляя солдатъ рыскать по лѣсамъ за христіанами. Такъ въ одной провинціи Александръ, начальникъ отряда наваль въ лѣсу группу христіанъ съ священникомъ Прискомъ. Напрасно они старались уйти, нечаянно застигнутые; они безчеловѣчно были изрѣзаны. Одинъ христіанъ Коттъ хотѣлъ было унести тѣло священника; но солдатъ догналъ его и повалилъ его за мертвое ударомъ топора. Подобныя же сцены происходили и во многихъ другихъ мѣстахъ. Но еще жесточе было гоненіе Максимина Геркулія. Онъ отправился въ Галлію во главѣ огромной арміи, но дѣло преслѣдованія и мученія христіанъ возложилъ преимущественно на Оивскій легіонъ, такъ названный потому, что солдаты его набраны были въ окрестностяхъ Оивъ—въ Египтѣ и состоявшій весь изъ христіанъ съ начальниками. Питая неубоитную ненависть къ христіанамъ, Геркулій хотѣлъ доставить особенное удовольствіе себѣ, проливая кровь христіанъ рукою христіанъ же. Но горько въ этомъ ошибся. Оивскій легіонъ узналъ о такомъ распоряженіи Императора, находясь въ деревнѣ Аюнь въ 60 миляхъ отъ Женеви и отсюда—то войны—христіане послали Императору благородный отказъ отъ возложеннаго на нихъ кроваваго порученія. Императоръ взбѣсился. Онъ прилетѣлъ въ Аюнь и два раза велѣлъ казнить десятого солдата (*decimer deux fois* стр. 49—51). Но этимъ онъ ничего не сдѣлалъ; тогда въ пылу бѣшенства онъ велѣлъ изрѣзать весь легіонъ. Тѣмъ съ большею свирѣпостью онъ сталъ преслѣдовать послѣ этого несчастныхъ христіанъ. Знаменитѣйшимъ мученикомъ въ это время былъ Викторъ—слава Марсельской Церкви. Исполненный мужества и ревности, онъ дни и ночи проводилъ въ утѣшеніи и наукрѣпленіи христіанъ, подвергавшихся мученіямъ. Въ этомъ святомъ дѣлѣ онъ былъ схваченъ и приведенъ къ суду двухъ префектовъ—Евтилію и Астерію. Напрасно они старались подѣйствовать на него увѣщаніями и угрозами. Викторъ дѣйствительно былъ непобѣдимъ. Такъ какъ онъ былъ благороднаго происхожденія, то префекты отослали его къ Императору для смертнаго приговора. Но Геркулій, наругавшъ съ надъ нимъ, снова предалъ его на волю префектовъ. Долго еще префекты краснорѣчиво уговаривали Виктора отказаться отъ христіанской вѣры и начали хулить ее; тогда Викторъ съ своей стороны краснорѣчиво сталъ защищать свою вѣру. И префекты принуждены были сказать: перестань философствовать, выбирай одно изъ двухъ—смерть или принесеніе жертвы богамъ. Викторъ отказался отъ послѣдняго и послѣ жестокихъ истязаній брошенъ былъ въ темницу. Три война, караулившіе его, Лонгинъ, Фелиціанъ и Александръ въ

полночь увидѣли въ комнатѣ мученика ослѣпительный свѣтъ и хоръ поющихъ ангеловъ. На утро они уже были готовы къ крещенію, были крещены и въ тотъ же день замучены. Напрасно Максимъ снова предлагалъ Виктору воскурить ѡгнямъ. Возбѣшенный, онъ приказалъ бросить его подъ жерновъ мельничный, но камень обломился прежде, чѣмъ прекратилась жизнь святаго; наконецъ присудили отсѣчь ему голову; и во время отсѣченія послышался голосъ «ты побѣдитель, мужественный Викторъ, ты побѣдитель». Тѣло мученика брошено было въ море, но оно выплыло и было взято вѣрными. Много было и другихъ жертвъ ярости Геркулія. Донаціанъ и Рогацианъ, святой Женесъ Арльскій, двое изъ начальниковъ военныхъ — Ферреоль и Юліанъ и особенно много изъ учениковъ — проповѣдниковъ Діонисія Парижскаго. Гоненіе продолжалось 6 лѣтъ и во всѣхъ провинціяхъ Галліи текла христіанская кровь. Христіане скрывались въ дѣсахъ и въ глубокихъ пещерахъ, а пастыри большею частию были замучены. Наконецъ въ 292 г. правителемъ Галліи назначенъ былъ Констанцій Хлоръ — и гоненіе затихло. Таковы были бѣдствія, перенесенныя Галльскою Церковью въ 3 вѣкѣ. Но эти тяжкія бѣдствія, сопровождавшіяся многочисленными чудесами и видимымъ покровительствомъ Спасителя, только болѣе убѣждали христіанъ въ святости и истинности ихъ вѣры; они съ большою любовію стали произносить имя Іисуса Христа; мученики стали ихъ молитвенниками на небѣ и одушевляли ихъ воспоминаніями о страданіяхъ. Новые пастыри, одушевляясь ревностію своихъ предшественниковъ, съ такою же ревностію старались загладить потери Церкви новыми христіанами. А въ то же время, вскорѣ дарованный Церкви миръ, сдѣлалъ скоро ее цвѣтущею и многочисленною. Было впрочемъ еще гоненіе при Юліанѣ во второй половинѣ 4 в., но неформальное и общее, а частное, благодаря фанатизму и угодливости нѣкоторыхъ правителей провинцій и потому въ Галліи было только нѣсколько мучениковъ. Вообще съ этого времени прекращаются гоненія на христіанъ со стороны Римскихъ Правителей. Императоры поняли важное значеніе христіанской вѣры для государственной жизни, и народъ имѣлъ къ ней высокое уваженіе.

Но не менѣе, если не болѣе важную борьбу должна была выдерживать Галльская Церковь съ мудрованіями ума человеческого. Въ теченіе 3 и 4 вв. посѣтили Галлію слѣдующія ереси: Гностицизмъ, Новаціанизмъ, Аріанизмъ, Присциллианизмъ и Полупелagianизмъ. Гностицизмъ появился въ Галліи при Иринеѣ еще въ концѣ Марка — гностика, ученика Валентина, одного изъ основателей гностической школы. Сущность ученія гностическаго состояла въ смѣси мѣтій и вѣроуачій христіанскихъ съ дуалистическими или пантеистическими. Вся вселенная представлялась наполненною эо-

нами, истекающими отъ верховнаго эона или первичной субстанции. «Эоны дѣлятся на три категоріи: истеченія чисто духовныя, потомъ душа—основаніе міра, занимающая средину между матеріей и духомъ и наконецъ міръ матеріальный, составляющій послѣднее истеченіе изъ первичной субстанции» (стр. 23). Такимъ образомъ Иисуса Христа Маркъ и вообще гностицизмъ признавалъ за одного изъ эоновъ. Этотъ гносисъ Маркъ сообщалъ своимъ слушателямъ посредствомъ извѣстныхъ обрядовъ, которые или заимствованы были изъ языческихъ мистерій или составляли пародію на христіанскія таинства: Онъ старался привлекать къ себѣ преимущественно красивыхъ и богатыхъ женщинъ. На берегахъ Роны Маркъ имѣлъ нѣкоторый успѣхъ, но противникъ его Иринеи слишкомъ былъ силенъ и дѣтеленъ, чтобы дозволить ему свободно распространять свое гибельное для нравственности ученіе. Маркъ удаленъ изъ Парижа. Затѣмъ изданное Иринеемъ сочиненіе противъ гностицизма окончательно уничтожило послѣдователей его.

Не большой успѣхъ имѣлъ въ Галліи и Новаціанизмъ—ученіе, посягавшее на милосердіе Божіе и утверждавшее, что падшимъ не слѣдуетъ давать прощеніе. Извѣстно, что во время жестокихъ гоненій императорскихъ многіе христіане, желая избѣжать страшныхъ истязаній, по формѣ отказывались отъ вѣры и воскуряли еяміамъ. Но въ душѣ они оставались христіанами, горько оплакивали свое паденіе и послѣ гоненія просили у Церкви прощенія. Такіе-то люди и назывались *падшими*. Гордись своими добродѣтелями, Новаціане слишкомъ строги были къ нимъ. Въ Галліи особенно боролся съ ними Ретидій Епископъ Отунскій. Изъ нѣкоторыхъ отрывковъ въ сочиненіяхъ Августина видно, что Ретидій писалъ противъ Новаціанъ сочиненіе. Аріанство также не много имѣло послѣдователей въ Галліи, благодаря особенно тому обстоятельству, что Аѳанасій Великій—бичъ Аріанской ереси, лучше всѣхъ современниковъ понимавшій всѣ тонкости и гибельное значеніе ея для вѣры христіанской, былъ изгнанъ Императоромъ Констанціемъ въ Трирь. Здѣсь собиравшимся епископамъ онъ раскрывалъ до мельчайшихъ подробностей всѣ извороты Аріанскаго ученія и такимъ образомъ предостерегалъ ихъ отъ возможности заблужденія. И между епископами Галльскими были только три аріанины—Сатуринъ Арлескій, Патернъ Перигорскій и Ефратъ Кельнскій. Но послѣдній, единодушно осужденный 14 епископами, собравшимися въ Кельнѣ, раскаялся и въ послѣдствіи былъ защитникомъ православія. Долго впрочемъ Аріанство волновало Галльскую Церковь, потому что Императоръ Констанцій—аріанинъ слишкомъ самовластно вмѣшивался въ религіозные споры и дѣла и на нѣсколькихъ соборахъ въ Галліи обманомъ и насиліемъ старался принудить епископовъ ея принять Аріанскія формулы и под-

писать изгнаніе Аѳанасія. Епископы оставались тверды. Въ этой борьбѣ съ особенной энергіей дѣйствовалъ Иларій Пуатьескій родомъ изъ страны Пиктовъ, приведенный къ христіанству путемъ свободнаго изслѣдованія. Будучи еще міряниномъ, онъ былъ образцомъ добродѣтели и учености Церкви Пуатьеской и скоро былъ избранъ пастыремъ ея. За свои сильныя обличенія еретиковъ онъ былъ осужденъ на изгнаніе во фригію. На и оттуда онъ дѣятельно продолжалъ переписываться съ епископами Галліи и наставлялъ ихъ въ православныхъ истинахъ. Видя, что партія еретиковъ быстро увеличивается и дѣйствуетъ слишкомъ самовластно и несправедливо, Иларій явился въ Константинополь въ числѣ депутатовъ отъ Селевкійскаго собора, произнесъ предъ Констанціемъ сильную рѣчь. Констанцій повидимому раскаялся и позволилъ Иларію возвратиться въ Галлію. Благодаря настойчивости Иларія, Сатурнинъ и Патернъ были отлучены отъ Церкви и ересь Аріанская неоставила больше слѣдовъ въ Галліи.

Къ концу 3 в. появился въ Галліи Присциллианизмъ. Это была смѣсь гностицизма съ манихействомъ въ догматическомъ отношеніи, а въ нравственномъ всѣ эти три ереси стояли другъ друга. Основателемъ ерески былъ Прискиллианъ—испанецъ изъ благородной фамиліи и очень богатаго семейства. Имѣя много хорошихъ умственныхъ и нравственныхъ качествъ, онъ присоединялъ къ нимъ непомерную гордость, которая испортила хорошія его качества. Когда онъ привлекъ на свою сторону нѣсколько приверженцевъ, то епископъ Кордовскій Гигинъ съ другими осудилъ его на соборѣ Сарагосскомъ, Прискиллианъ удалился въ Галлію. Здѣсь онъ успѣлъ приобрести многихъ приверженцевъ, потому что его не знали. Но изъ Бордо онъ былъ изгнанъ Епископомъ Дельфиномъ. Въ это время нравственно онъ уже палъ. Изгнанный изъ Бордо, онъ многими учениками довольно шумно направился къ Риму съ не благовиднымъ обществомъ женщинъ. Понятно, что при такомъ нравственномъ состояніи ересь не могла имѣть успѣха. Папа Дамазъ и Амвросій Медиоланскій не приняли Прискиллиана. Онъ прибѣгъ къ помощи придворныхъ. Тогда епископы Галльскіе собрались въ Бордо и осудили Присциллианистовъ. Въ неумѣренной ревности, они просили у императора Максима казни Прискиллиана, который дѣйствительно былъ казненъ и сектанты его исчезли изъ Галліи.

(Продолженіе будетъ).

Редакторы: { Прот. Ѳ. Никоновъ.
Свящ. І. Адамовъ.

Печатать дозволяется. Цензоры: Прот. Н. Волковъ, и свящ. П. Палицынъ.
Февраля 28-го дня 1874 года.

Воронежъ. Въ типографіи Н. Д. Гольдштейной.